

УДК 82-1:82.0

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-168-176

Волк и Лев
в русской и шведской поэзии-пропаганде
XVII – начала XVIII в.

Михаил Ю. Люстров
*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Россия, mlustrov@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются европейские (в первую очередь русские и шведские) стихотворные победословия XVII – начала XVIII в., авторы которых недавно произошедшее сражение представляют как битву диких зверей. Особую группу военных панегириков составляют сочинения, содержащие рассказ о противостоянии (шведская «триумфальная песня» 1677 г.) или союзе (русские стихотворения полтавского цикла) льва и волка. Эта звериная пара встречается в сочинениях древних и новых авторов, и среди возможных причин ее появления в русских и шведских победословных стихотворениях можно назвать отмеченное Исидором Севильским и несомненно известное европейским поэтам созвучие наименований обоих животных (Iupus «восходит к leopus», «лапа льва»). Предполагается, что для панегиристов обладающий лишь одним львиным признаком волк является «сниженным», «малым» и обязательно побежденным львом.

Ключевые слова: русская литература XVII–XVIII вв., шведская литература XVII–XVIII вв., лев, волк, бестиарий, Исидор Севильский

Для цитирования: Люстров М.Ю. Волк и Лев в русской и шведской поэзии-пропаганде XVII – начала XVIII в. // Вестник РГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 11. Часть 1. С. 168–176. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-168-176

© Люстров М.Ю., 2025

The wolf and the lion
in Russian and Swedish poetry-propaganda
of the 17th – early 18th century

Mikhail Yu. Liustrov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of World Literature, Moscow, Russia, mliustrov@mail.ru*

Abstract. The article considers European (primarily Russian and Swedish) poetic victory panegyrics of the 17th – early 18th centuries, whose authors present a recently occurred battle as a fight of wild beasts. A special group of military panegyrics consists of works containing a narrative about the confrontation (the Swedish “triumphal song” of 1677) or alliance (the Russian poems of the Poltava cycle) of the lion and the wolf. That animal pair is found in the works of ancient and modern authors, and among the possible reasons for its appearance in Russian and Swedish victory panegyrics one can mention the consonance of the names of both animals (lupus “derives from leopus”, “lion’s paw”), noted by Isidore of Seville and undoubtedly known to European poets. It is assumed that, for the panegyrists, the wolf, possessing only a single lion’s trait, is seen as a “diminished”, “lesser”, and necessarily defeated lion.

Keywords: Russian literature of the 17th – 18th centuries, Swedish literature of the 17th – 18th centuries, lion, wolf, bestiary, Isidore of Seville (Isidorus Hispalensis)

For citation: Liustrov, M.Yu. (2025), “The wolf and the lion in Russian and Swedish poetry-propaganda of the 17th – early 18th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 11, part 1, pp. 168–176, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-168-176

В русских и шведских победословиях XVII – первой половины XVIII в. фигурируют животные, представляющие страны-участницы конфликтов. Хорошо известно, что Россию в таких текстах представляют в том числе орел или медведь, Швецию – лев или тот же медведь. Так, в посвященной победе шведов под Нарвой в 1700 г. «Радостной игре и хвалебной песне» Магнуса Стенбока охраняющий яблоню Гесперид (шведские провинции) лев (Карл XII) наносит увечья пикирующим на яблоню русскому черному и польскому белому орлам и попирает щит с изображенными на нем тремя датскими голубыми леопардовыми львами¹. На монете, отчеканенной

¹ *Stenbock M.* Glädie Spel och Ähre-Sång. Stockholm: Kongl. Booktr., 1701. S. 2.

после шведских триумфов в начале Северной войны, шведский лев попирает быка (Россию), слона (Данию) и орла (Польшу)². В одах шведского поэта Юхана Холмберга сражение под Вильманстрандом в сентябре 1741 г. изображается как единоборство шведских медведей с понесшими огромные потери русскими орлами³. На одной из русских картин, посвященных событиям той же войны, русский орел и шведский лев взвешивают на весах свои мечи, и в чашу льва лисица (Франция) высыпает золотые монеты, а в изданном в 1744 г. «Кратком описании великого фейерверка», посвященном заключению мира между Россией и Швецией, кроме прочего, говорится, что на одном из планов «с двух крайних масличных дерев взлетают два белые голубя, держащие в носу масличные ветви и опускающиеся на помянутыя пальмовыя деревья, под которыми с правой стороны стоит Орел, а с левой лежит Лев для изъявления чрез то, что по воспоследовавшем мире оба государства под сению желаннаго покоя и удовольствия находятся»⁴.

Войны, в которых участвуют лишь скандинавские страны, описываются как битвы львов. На немецкой картинке, представляющей шведскую осаду датского Христианополя в 1658 г., шведский лев с длинным мечом штурмует крепость, которую защищают датский лев с ключом и молниями и норвежский лев с секирой⁵. Известны случаи, когда побежденную шведским львом Данию представляет не лев или слон, но волк. Так, в изданной в 1677 г. шведской «триумфальной песне» «Законная радость в Боге шведской нации», посвященной двум победам Карла XI Шведского над Кристианом V Датским, «датский волк» Кристиан «коварно и подло» нападает на «шведского льва» Карла⁶. Подчас же волк изображается побежденным не шведским львом, а вместе со шведским львом. В русских

² Palmsk. samlingen, 53. S. 473; *Hildebrand B.E.* Sveriges och svenska konungahusets minnespenningar, praktmynt och belöningsmedaljer. Stockholm: Kongl. vitterhets historie och antiqvitets akademiens förlag. 1874. D. 1. S. 511.

³ *Holmberg J.* Warning til Starkotter hin gamle, för thesz owarsamme utlåtelse; jemte odödeligit minne af Wilmanstrandska barda-leken, som stod then 23 aug. 1741. Stockholm, 1741. S. 1.

⁴ Краткое описание великого фейерверка, которой по Всея высочайшему указу Ея Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия государыни Елисаветы Петровны императрицы и самодержицы Всероссийския и проч. и проч. и проч. в мирное торжество в Москве пред домом Ея Императорскаго Величества представлен был дня 1744 года. СПб.: при Императорской Академии наук, [1744]. С. 6.

⁵ Palmsk. saml., 44. S. 653.

⁶ *Then Lofflige Swenske Nations Frögd i Gudhi.* 1677. S. 1.

послеполтавских стихотворениях львом и волком называются спасающиеся бегством Карл XII и Мазепа: «Бежит в дубравы, бежит в лесы темны, / Просит, да дадут помощь звери земны. / Выше стрелы летят запаленны, / Да лев со волком будут пораженны. / Волк же безумный, проклятый Мазепа / Бежит от страха, ищущи вертепа: / Бо несть вертеп злу, несть вертеп прокляту, / Несть днесь покрову диаволску брату» (конт «Орле Российский»⁷) или «Божия храмы быша днесь вертепы / От шведскаго льва и волка Мазепы. / Друг твой лев, ты волк, ты ярость сугуба, / А людям бедным последня пагуба» («Стихи на измену Мазепы» Стефана Яворского⁸).

Иногда, и вне русско-шведской темы, война описывается как единоборство геральдических льва и волка. Таким образом в средневековой Италии изображалось противостояние Флоренции (символом которой является лев) и Сиены (символом которой является волчица), и существуют сведения, что, установленный во Флоренции в 1377 г. Мардзокко представлял собой фигуру льва, попирающего волка. В европейских произведениях (преимущественно в стихотворных победословиях) волк терпит поражение от более сильного противника, льва, ассоциировавшегося, в том числе, с одолевшей врага русской армией (например, «Как сильный лев стада волков, / Что кажут острых яд зубов, / Очей горящих гонит страхом...» в оде «На взятие Хотина» М.В. Ломоносова⁹).

Разумеется, в текстах европейских авторов волчья тема разрабатывается применительно к названным по имени врагам, странам и народам вне связи с темой львиной. В изданной в 1582 г. латинской «Элегической поэме о походе его величества Стефана Первого, короля польского и великого князя литовского против Ивана Васильевича, великого князя Московского» селезца Самюэля Вольфа волком называется Иван Грозный. В поэме утверждается, что солдаты Батория желают «сломить гордую шею жестокому волку»¹⁰. В русском «Ином сказании» волку уподобляется Лжедмитрий [Туфанова 2011, с. 75–82], в послеполтавском панегирике «Политико-лепная апофеосис» (1709) с «хищнолюбным волком» сравнивается

⁷ Песни, собранные П.В. Киреевским / ред. П.А. Бессонов. М., 1870. Вып. 8. С. 244–245.

⁸ Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л.: Советский писатель, 1970. С. 263, 264. (Библиотека поэта)

⁹ Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1965. С. 64. (Библиотека поэта)

¹⁰ Wolf S. Stephani primi serenissimi Poloniae regis et Magni Lituano- rum ducis etc. adversus Iohannem Basilidem, magnum Moscouiae ducem, expeditio, carmine elegiaco descripta. Dantisci: Typis Iacobi Rhodi, 1582. P. 16.

напавшая на Россию и прочие «побужденныя державы» Швеция¹¹, а в стихотворении шведа П. Варнмарка «Шведский пароль “С Божьей помощью”», кроме прочего, говорится, что «с Божьей помощью возле Дюны и под Клишевым» Карл XII победил саксонцев, которые «думали проглотить нас, как волки добычу, и свирепой хитростью притеснять детей Швеции»¹².

Со львом же, что многократно отмечалось, сопоставляются безусловные шведские герои: короли Густав II Адольф, Карл XI и Карл XII или павший под Нарвой в 1700 г. генерал-адъютант барон Кнут Левенгаупт. При этом хорошо известно, что европейские, в том числе и шведские, авторы, опираясь на библейские тексты, отмечают тождество льва (как, впрочем, и волка) с дьяволом: «но кто такой лев или змея, как не дьявол? Лев из-за злобы, змея из-за коварства?»¹³ (в «Откровениях» Святой Биргитты Шведской), «сатана... ходит сегодня вокруг, хочет напасть на божьих детей, воспрепятствовать течению их жизни, проглотить их подобно льву»¹⁴ (в шведском стихотворном сборнике «Песни Моисея и агнца», 1717), в русских же памятниках первой четверти XVII в. «кровоядным лвичищем» и «скименом лютым» назывался Лжедмитрий I [Туфанова 2009, с. 89–96]. Бытование в европейской, в том числе в русской и шведской литературах, образов льва и волка – тема многогранная и основательно разработанная. Нас же интересуют случаи, когда автор акцентирует внимание лишь на льве и волке, составляющих пару диких зверей.

В «Истории животных» (книга первая, § 18) Аристотель отмечает, что «в отношении же нрава различия между животными таковы: ...одни свободны, храбры и благородны, как лев; другие породисты, дики, коварны, как волк»¹⁵. В книге Аристотеля они соседствуют, и подобное соседство нередко обнаруживается в различных текстах древних и новых авторов. Так, в «Илиаде» (XXII, 261–264) Ахиллес указывает Гектору на невозможность союза

¹¹ Политиколепная апофеосис достохвалныя храбрости Всероссийскаго Геркулеса. М., 1709. Л. 17.

¹² *Warnmarck P. Swänksa Lösen: Med Gudz hielp // Warnmarck P. Parnassi grönskande Blomster = Wall. Götheborg: Tryckt hos Zacharias Hagemann, 1709. S. 270.*

¹³ Sancta Birgitta. Revelaciones Lib. IV / utg. H. Aili. Stockholm, 1992. S. 98. (Samlingar utgivna av Svenska Fornskriftsällskapet. Ser. 2: Latinska skrifter; Bd. 7)

¹⁴ Mose och Lamsens Wisor. Stockholm: Tryckt hos Joh.L. Horrn, Kongl. Antiquit. Archivi Boktryckaren, 1717. S. 25.

¹⁵ *Аристотель. История животных. М.: РГГУ. 1996. С. 76.*

между львами и людьми, волками и агнцами. В 1-й книге «Метаморфоз» Овидия говорится, что лань убегает ото льва, а овечка от волка, а чуть ниже – что во время потопа волк плавает среди овец, и тут же плавает лев. В Эпосе VII Гораций утверждает, что в отличие от истребляющих друг друга римлян волки и львы никогда не нападают на себе подобных.

В «Откровениях» (кн. IV, гл. 6) святой Биргитты Шведской апостол Павел обращается к ней со словами: «Ты, дочь, сравнила меня со львом, который был воспитан среди волков, но чудесным образом был избавлен от волков. Воистину, дочь, я был хищным волком, но из волка Бог сделал меня агнцем»¹⁶. В упомянутой «Элегической поэме о походе его величества Стефана Первого» Вольфа говорится, что свирепый москвит «собирает свои рассеянные силы и всё более и более яростно бряцает оружием, точно так же, как львица, лишённая своих детёнышей, / Или волк, повсюду свирепствующий от жестокого голода. / И вот уже Ливония пылает в печальной войне, и, скорбная, в траурные одежды одетая, стонет»¹⁷. Рассуждая о неизменности каждой сущности и ее неспособности превратиться в другую, философ и отец шведской поэзии Георг Шернфельм заявляет, что «волк не может, не хочет и не умеет быть львом»¹⁸. Львы и волки называются либо подобными друг другу, либо представляются автору зверями, наиболее подходящими для сопоставления.

Среди многочисленных причин, по которым львы и волки объявляются парой главных представителей мира зверей, можно назвать одну известную европейским, в том числе русским и шведским, авторам произведений самых разных жанров: близость этих зверей объясняется сходством их названий. Так, в «Этимологиях» Исидора Севильского (книга 12, глава 2, пункт 23) о происхождении слова «волк» сказано: «Волк (*lupus*) – греческое имя, перенесенное в наш язык. Ведь греки называют волков *λύκοις*, и прозван *λύκος* по-гречески от своих нравов – от того, что с хищным бешенством убивает всё, что ни встретит. По другим – название волков восходит к *leopus*, поскольку сила их, как и у льва, – в их лапах: кого своею лапою прижмет, не выживает»¹⁹. Из комментариев русского переводчика «Этимологий» следует, что Исидором

¹⁶ Sancta Birgitta. Revelaciones Lib. IV. S. 76.

¹⁷ Wolf S. Op. cit. P. 12.

¹⁸ *Stiernhielm G.* Samlade skrifter. Ur Stiernhielms filosofiska papper. Stockholm, 1924. P. 126.

¹⁹ *Исидор Севильский.* Этимологии. Кн. 12: О животных / пер. с лат. А. Гараджи // Платоновские исследования. 2021. Т. 15. № 2. С. 270.

«leopus понимается как leo ‘лев’ + ποῦς ‘нога’»²⁰. Точно так же в Aberдинском bestiarii 1200 г. специально разъясняется, что слово “lupros” происходит от “leopros”, поскольку волки, как львы, сильны своими лапами²¹.

В названиях некоторых реальных и фантастических животных фигурируют и «лев» (leopardus или «убийца львов» leontophonos), и «нога» (напоминающая внешне перепончатую птичью лапу улитка Strombus pes pelecani, «пеликанья нога»). Иногда же, как и в представленном Исидором объяснении происхождения слова luprus, «лев» и «нога» совмещаются в одном наименовании: например, название цветка leontoródium (эдельвейс) переводится как «львиная лапа» (от греч. λέων и ποδεών). Волк же, даже bestiарный, не является ни гибридом льва, ни существом, наделенным львиными конечностями. Не имея внешнего сходства со львом, волк уподобляется ему по существенному признаку и таким образом обладает частью львиной природы. Отмеченное Исидором созвучие в названиях двух зверей позволяет осторожно предположить, что в паре противостоящих друг другу или общему врагу льва и волка последний может восприниматься как «сниженный», «малый», не обладающий царственным величием и статью, но лев. Возможно, в том числе по этой причине в шведском стихотворном победословии 1677 г. шведскому льву противостоит датский волк, а не как на картинке, изображающей осаду Христианополя в 1658 г., вооруженный лев. Известно, что своим появлением в русских послепоплавских стихотворениях образ волка обязан тексту анафемы Мазепе, где гетман, кроме прочего, назван «лютым волком, овчею покрытым кожею»²², и именно такой волк, по мнению русских авторов, должен составлять пару льву – шведскому королю. Вместе с тем в «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе» Феофан Прокопович отмечает подобие и даже равновеликость Карла и Мазепы, представленных одними и теми же противостоящими царю Петру существами: «Ты же, пресветлейший самодержче всероссийский, сам собою, своим мужественным воинством, без всякой иноземной помощи, единым устремлением, за немного часов, двоих змиев, две лютыя ехидны – брань, глаголю,

²⁰ Там же.

²¹ The Aberdeen bestiary. URL: <https://www.abdn.ac.uk/bestiary/ms24/f16v> (дата обращения: 10.06.2025).

²² Цит. по: *Никольский К.Т.* Анафематствование (отлучение от Церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста: Историческое исследование о чине православия. СПб: Тип. Ф.Г. Елеонского и К°, 1879. С. 255; см.: [Сазонова 2006].

свейскую и изменническую, – сильно растерзал и умертвил еси»²³. Следовательно, «родственными» зверями могут представляться потерпевший поражение коронованный лев и утративший власть волк. Но, повторю, отмеченное Исидором созвучие названий льва и волка является возможной и, конечно, не единственной причиной их «совмещения» в интересующих меня русских и шведских стихотворных победословиях второй половины XVII – начала XVIII в.

Если же речь идет об унижении потерпевшего поражение геральдического животного, то европейские авторы не только низводят льва до «статуса» волка, но и превращают государственный символ в калеку или существо фантастическое. Так, в русских панегириках эпохи Северной войны появляется хромой шведский лев, в шведских текстах того же времени – русская многоглавая гидра – двуглавый орел, а в «Элегической поэме» назвавшего Ивана Грозного волком Самюэля Вольфа описанная им война названа единоборством польского орла с русским драконом.

Литература

- Сазонова 2006 – Сазонова Л.И. Литературная культура России: раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.
- Туфанова 2009 – Туфанова О.А. «Кровоядный лвичиш» Гришка Отрепьев // Вестник славянских культур. 2009. № 1 (11). С. 89–96.
- Туфанова 2011 – Туфанова О.А. Семантика и особенности употребления метафоры «волки» – «овцы» в так называемом «Ином сказании» // Вестник славянских культур. 2011. № 1 (19). С. 75–81.

References

- Sazonova, L.I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii: rannee Novoe vremya* [The literary culture of Russia: The Early Modern period], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Tufanova, O.A. (2009), “ ‘The bloodthirsty lvichishch (big lion)’ Grishka Otrep'yev”, *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, vol. 11, no. 1, pp. 89–96.
- Tufanova, O.A. (2011), “The semantics and specifics of the ‘wolves’ – ‘sheep’ metaphor in the so-called ‘Inoe Skazanie’ [‘The Other Tale’]”, *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, vol. 19, no. 1, pp. 75–81.

²³ Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1961. С. 36.

Информация об авторе

Михаил Ю. Люстров, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а; mlustrov@mail.ru

Information about the author

Mikhail Yu. Liustrov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of World Literature, Moscow, Russia; 25a, Povarskaya St., Moscow, Russia, 121069; mlustrov@mail.ru